

Социальное моделирование и теоретическое понимание истории

(наброски к теме) ¹

Второй авторский вариант, не опубликован;
опубликованный вариант:

Шиян Т.А. Петровский круг // Status Quo, №1.
М., 2002. С. 106-111.

Сохранено с сайта: <http://taras-shiyan.narod.ru>.

E-mail: taras_a_shiyan@mail.ru.

Поэтому перед человечеством в этот переходный период встает двойная задача: проторить путь к пониманию нового мира, множеству его пока еще скрытых граней, одновременно, несмотря на полную неопределенность, учиться управлять ими, вместо того, чтобы подчиняться его велениям.

Бертран Шнайдер²

I. Теоретическое введение

Вторая половина XX века – время бурного развития информационных технологий. Информатика, computer sciences распространяются на области, ранее считавшиеся чисто гуманитарными. Представители различных социальных наук все чаще обращаются к математическому моделированию, а государственные службы при принятии решений все больше опираются на результаты вычислительных экспериментов. На передний план выходят проблемы, связанные с моделированием (в том числе и математическим) социальных процессов³.

Но использование того или иного математического аппарата требует предварительного построения концептуальных моделей. Причем, для разных практических задач удобны математические модели разных типов, а каждый тип моделей требует своего концептуального описания.

Один из интересных способов математического описания предоставляет статистическая теория систем, используемая сегодня в различных областях физики, в теории информации, синергетике и т.д. На мой взгляд, системные представления, разработанные русским историком и этнологом Л.Н. Гумилевым, являются удобной концептуальной базой для создания математических моделей такого типа. Одна из целей данного текста – показать, какие возможности для понимания микросоциальных исторических процессов дают представления Гумилева о строении антропосферы.

¹ © Шиян Т.А., 2002.

² [6, с. 17]. Здесь и далее в квадратных скобках даны ссылки на литературу; список цитируемой литературы приведен в конце работы.

³ «Моделирование в современном научном познании выступает, прежде всего, как средство исследования сложных систем, непосредственное изучение которых затруднено или невозможно на данном уровне научного познания. На основе моделирования осуществляется экстраполяция более глубоких, более разработанных теорий на те области знания, которые не имеют своих собственных завершенных теоретических построений. Модель в познании часто выступает в качестве института формирования теории, а теорию качественного уровня удается интерпретировать на формальной модели» [5, с. 87].

Есть еще одна причина для особого интереса к теоретическим построениям Гумилева. Системные методы почти с самого начала развивались в рамках междисциплинарных, комплексных исследований⁴. Труды Л.Н. Гумилева – одна из немногих относительно удачных попыток реализовать весь этот комплекс подходов в рамках исторического исследования.

Вообще, системный подход имеет множество вариантов. Одна группа системных представлений рассматривает системы как особый вид физических тел. Собственно, вся Вселенная является системой, состоящей из множества подсистем. Такой подход может быть назван натуралистическим. Системные представления Гумилева являются одним из вариантов такого подхода. Вторая группа представлений говорит, что нет системно или несистемно организованных тел, а есть лишь способы системного или не системного описания. Есть объекты, которые можно описывать достаточно простыми средствами, а есть объекты, которые невозможно удовлетворительно описать без привлечения системных методов. Такой подход в нашей стране получил название деятельностного⁵. Натуралистическое описание может быть ассимилировано в рамках деятельностного подхода как один из уровней системного описания. Обычно оно соответствует описанию морфологии объекта.

Человечество, этнос, государство – относятся к объектам, требующим системного описания, не зависимо от деятельностной или натуралистической ориентации исследователя. Достаточно очевидно также, что применение используемого Гумилевым аппарата дает нам лишь один из уровней описания – описание того, что в социологии названо неформальными группами. Описание других уровней организации требует другого понятийного и модельного аппарата (возможно, для каждого уровня – своих).

Обычные для теоретической работы действия: задание онтологии, определение предметной области⁶, выделение субстрата, субстанции и т.д., при применяемом подходе здесь варианте системного подхода сводятся к следующим основным моментам⁷.

1. Определение нижней границы рассматриваемого уровня организации. Обычно минимальные объекты (в этом случае – единицы субстрата) могут выступать как в качестве минимальных систем данного типа, так и в качестве минимальных структурных единиц (элементов) всех остальных систем этого типа. На организменном уровне организации – это клетки, которые могут быть самостоятельными живыми организмами (одноклеточные) или выступать элементарными строительными блоками многоклеточных организмов. На биосферном уровне – это живые организмы, которые могут рассматриваться как отдельные образования или в рамках сложных экологических систем – биогеоценозов. В социологии единицей субстрата является отдельный человек. Все остальные образования состоят из людей (различные «неформальные» группы) или паразитируют на людях (корпорации, государства, религии и другие «формальные» группы).

⁴ Одним из пионеров подобных исследований в нашей стране является так называемый Московский методологический кружок (ММК), возникший в 50-е годы (некоторые материалы и ссылки можно найти на сайте «Методология в России»: www.circle.ru). Наиболее известный представитель этого направления на Западе – образованный в 1968-м году Римский клуб (см. [6]).

⁵ В нашей стране развивался, в частности, в рамках ММК (см. предыдущее примечание).

⁶ В логике – зафиксированное множество рассматриваемых объектов.

⁷ Их, безусловно, больше, но они меньше связаны с идеями Гумилева и следующей исторической частью.

2. Определение верхней границы данного уровня организации. Этот шаг неразрывно связан с предыдущим. Здесь происходит выделение минимального объекта, вмещающего в себя (с разным статусом) все единицы субстрата и все системы данного уровня. Для разных разделов биологии это организм и биосфера. Для социологии – часть биосферы, называемая антропосферой, или сферой общества⁸.

3. Задание типологии объектов (систем) данного уровня организации. Гумилев выделяет следующие типы групп: консорции, конвексии, субэтносы, этносы и суперэтносы⁹. В следующей части я буду ориентироваться именно на эту типологию.

II. История одного субэтноса¹⁰

*... Жизнь – это не столько структура, сколько процесс,
создающий и поддерживающий структуру.*

Людвиг фон Берталанфи

⁸ Как и в случае биосферы, речь идет об особой геологической оболочке Земли. В связи с выделением такого объекта, как антропосфера, встает ряд вопросов. Один из них: является ли антропосфера целостным образованием и, тем самым, подсистемой биосферы? По мнению Гумилева (вполне обоснованному), на протяжении почти всей истории человечества антропосфера не была единым образованием, а представляла собой мозаику, конгломерат из этносов и суперэтносов. И только сейчас (последние несколько веков) идет процесс интеграции антропосферы в единую систему. По всей видимости, это означает (если процесс завершится) образование единого суперэтноса, охватывающего все население земли.

Если это верно, то нас ожидает очень сложный период межэтнического и межкультурного напряжения, вплоть до физического уничтожения тех или иных социо-культурных образований и их носителей. Вроде бы мировые события последних лет соответствуют ожиданиям, и можно говорить, что мы вступили в очередную стадию процесса интеграции. Последние годы и месяцы мы наблюдаем, как лидирующий на планете союз наций начал физическое уничтожение некоторых социальных образований с альтернативными ценностными представлениями и организационно-деятельностными принципами. Хотя с точки зрения системных представлений этот процесс является вполне закономерным, это **вовсе не означает, что на индивидуальном, личностном уровне надо поддерживать войны и другие формы социального насилия**, пускай и с самыми «прогрессивными» целями. Кроме того, хотя процесс интеграции и требует к некоторой унификации, «притирки» объединяющихся в систему компонентов, эта унификация не должна заходить слишком далеко. Не только чрезмерная сложность, но и чрезмерная однородность уменьшают выживаемость системы как целого: «Ни один народ не может существовать в неоднородном и динамическом внешнем мире как единая, сплошная и оттого безлика масса населения. Различные общности в процессе своего развития решают собственные, локальные, а не только общеэтнические задачи. Это в определенной мере и неизбежно и необходимо для самого существования этноса, особенно если он расселен по разным природно-климатическим зонам. Это придает этносу пластичность, устойчивость в противостоянии внешним воздействиям, эффективность во взаимодействии с внешней средой, благоприятствует поиску новых форм хозяйствования и, в конечном счете, увеличивает творческий потенциал народа» [5, с. 94].

⁹ «Консорциями мы называем группы людей, объединенных одной исторической судьбой. В этот разряд входят «кружки», артели, секты, банды, и тому подобные нестойкие объединения. Чаще всего они распадаются, но иногда сохраняются на срок в несколько поколений⁹. Тогда они становятся конвексиями, т.е. группами людей с однохарактерным бытом и семейными связями... Уцелевшие конвексии вырастают в субэтносы» [2, с. 111]. «Первоначальная консорция энергичных людей в условиях изоляции превращается в этнос» (там же).

¹⁰ В данной главе я буду основывать свои описания, в основном, на «Лекциях по русской истории» В.О. Ключевского [1].

... Она произвела разрыв в нравственной жизни русского народа, оторвав от него, от его преданий и обычаев, просвещенное общество, которое Хомяков сравнивал с европейской колонией, брошенной в страну дикарей.

*В.О. Ключевский*¹¹

1. Социо-культурный раскол русского общества

Дальше я собираюсь рассмотреть один из социальных процессов, начавшийся в окружении Петра Первого и породивший существенные изменения в структуре русского общества: расколотость русского общества на две культурно чуждые друг другу части (европейски образованные «верхи» и остальное население), оказавшую большое влияние на социальную и политическую жизнь России последующих веков, вплоть до XX века. «Просвещенное общество» как особая социо-культурная общность возникает в конце XVII века из «кумпании» Петра Первого, втягивает в себя правящие слои общества и в течение XVIII века перерастает в субэтнос¹². Пик наибольшей противопоставленности этого субэтноса остальной части общества приходится на конец XVIII – начало XIX века, когда противопоставление культурное подкрепляется противопоставлением социальным. В XIX веке такое противопоставление начинает вызывать недовольствие, внутри этого субэтноса возникают революционное и просветительское движения, предпринимаются попытки реформ, с характерным для них «крестьянским вопросом» и «вопросом о просвещении». Процесс дальнейшего разрастания субэтноса и наметившееся перерождение его в какое-то новое образование были прерваны событиями 1917-го и последующих лет: в ходе революций, гражданской войны и советских «чисток» носители субэтноса были выброшены за пределы страны или уничтожены. Здесь я хочу рассмотреть процесс возникновения «культурного» субэтноса.

Поскольку (один из исходных тезисов) новые социальные общности всегда возникают как консорции или из консорций, то эта тема распадается на две части. (1) Где, когда и как возникла первоначальная консорция, впоследствии переросшая в «культурный» субэтнос? (2) Как шло разрастание этой консорции до субэтноса?

2. Возникновение петровской консорции

Каждый человек с момента рождения начинает приобщаться к окружающему миру культуры, усваивать язык и принятые в его среде способы описания мира, этические нормы и ценности, привыкать к определенным социальным ролям¹³. Ключевский

¹¹ Передаваемое Ключевским мнение славянофилов о петровской реформе [1, с. 189].

¹² Условно я буду его называть «культурным» субэтносом.

¹³ Ср. у Сорокина: «Каждый человек, с момента своего рождения, оказывается в среде других людей. С этого же момента начинается их влияние на каждого из родившихся. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно, они начинают формировать вновь появившегося человека по своему образу и подобию. Каковы будут окружающие ребенка люди, таковым становится и он сам. Язык, на котором будет говорить этот ребенок, будет языком тех, кто его окружает. <...> Религия, которую он будет исповедовать, будет религией тех, кто его окружает. <...> Взгляды и убеждения ребенка определяются опять-таки взглядами и убеждениями окружающих людей. Он будет считать злом то, что считают злом его окружающие, добром – то, что называют добром последние. Его одежда, его манеры, образ жизни, занятия, нравы, привычки будут такими, какими привьют их ему окружающие» [4, с. 10-11]. Принадлежность ко многим социальным общностям определяется рождением и воспитанием с ранних лет. В типологии Гумилева это конвексии, субэтносы, этносы и суперэтносы.

описывает начало этого процесса у Петра следующим образом. «До десяти лет он проходил совершенно древнерусскую выучку мастерству церковной грамоты. Но эта выучка шла среди толков и явлений совсем не древнерусского характера. С десяти лет кровавые события, раздражающие впечатления вытолкнули Петра из Кремля, сбили его с привычной колеи древнерусской жизни, связали для него старый порядок с самыми горькими воспоминаниями и дурными чувствами, рано оставили его одного с военными игрушками и зотовскими кунштами. Во что он играл в кремлевской своей детской, это он теперь разыгрывал на дворах и в рощах села Преображенского уже не с заморскими куклами, а с живыми людьми и настоящими пушками, без плана и руководства, окруженный своими спальниками и конюхами. И так продолжалось до 17-летнего возраста. Он оторвался от понятий, лучше сказать, от привычек и преданий кремлевского дворца, которые составляли политическое мирозерцание старорусского царя, его государственную науку, а новых на их место не являлось, взять их было негде и выработать было не из чего» [1, с. 15].

Итак, процесс воспитания Петра и его приобщения к культуре царской жизни был прерван и Петр оказался в некотором культурном вакууме. Этот вакуум заполняется образованием вокруг Петра группы, выросшей в последствие в его «потешную» систему. Именно эта группа и стала основой будущего «культурного» субэтноса.

Характерной и важной для будущего развития чертой был военный характер этой группы. И вроде бы в этом нет ничего удивительного, Петр лишь продолжал на новый лад свои детские игры прежних лет¹⁴. Второй характерной и определившей дальнейшее развитие чертой петровской «потешной» системы была некоторая предрасположенность к западным веяниям, в том числе ориентация на западные методы ведения войны. Это также не очень удивительно. Первые полки иноземного строя возникают при Михаиле Романове, и коль скоро Петр решил поиграть в войну, то не играть же ему в стрельцов, недавнее восстание которых так травмировало десятилетнего мальчика. Были для этого и другие основания. Россия и ее верхние слои вовсе не были настолько изолированы от Запада, как о том говорили в последствие. В XVII в. усиливаются культурные контакты России и Западной Европы, многие представители высших слоев начинают носить «немецкие» платья, обставлять свой дом в западноевропейском вкусе, перенимать эстетику и привычки западноевропейцев. Одним из таких людей был А.С. Матвеев, в доме которого воспитывалась Наталья Кирилловна Нарышкина – мать Петра, да и царевна Софья, вроде бы, вопреки последующим предрассудкам, не была чужда западным веяниям. «Как только Петр стал помнить себя, он был окружен в своей детской иноземными вещами; все, во что он играл, напоминало ему немца» [1, с. 5]. Достаточно естественно, что со временем царевич приобретает склонность и любовь к «немецкому», а свои игры «в войну» организует как игры «в войну на западный манер», как сегодня дети играют в индейцев, ниндзя и т.п.

«Петр, опальный царь, выгнанный сестриным заговором из родного дворца, рос в Преображенском на просторе. Силой обстоятельств он слишком рано предоставлен был самому себе, с десяти лет перешел из учебной комнаты прямо на задворки... С 1683 г., никем не руководимый, он начал здесь продолжительную игру, которую сам себе устроил и которая стала для него школой самообразования, а играл он в то, во что играют все наблюдательные дети в мире, в то, о чем думают и говорят взрослые. Современники приписывали природной склонности пробудившееся еще в

¹⁴ «С летами детская Петра наполнялась предметами военного дела. В ней появляется целый арсенал игрушечного оружия, и в некоторых мелочах этого детского арсенала отразились тревожные заботы взрослых людей того времени» [1, с. 5].

младенчестве увлечение Петра военным делом. Темперамент подогривал эту охоту и превратил ее в страсть, толки окружающих о войсках иноземного строя, может быть, и рассказы Зотова об отцовских войнах дали с летами юношескому спорту определенную цель, а острые впечатления мятежного 1682 г. вмещали в дело чувство личного самосохранения и мести за обиды» [1, с. 10]. «Здесь видим, как игра с летами разрастается и усложняется, принимая все новые формы и вбирая в себя разнообразные отрасли военного дела» [1, с. 11].

Для своих игр Петр собирает вокруг себя толпу сверстников из слуг, «образовав из них две роты, которые прибором охотников из дворян и других чинов, даже из боярских холопов, развились в два батальона, человек по 300 в каждом. Они и получили название «потешных». Звание *потешного* стало особым чином. «С этими потешными Петр и поднял в Преображенском неугомонную возню, построил потешный двор, потешную съезжую избу для управления командой, потешную конюшню... Словом, игра обратилась в целое учреждение с особым штатом, бюджетом, с «потешной казной»» [1, с. 12]. Потешные войска были одеты в единую форму, были назначены штаб-, обер- и унтер-офицеры; солдатам выдано полное вооружение; была потешная крепость и начато строение потешного флота (на Язуе). Вокруг Петра вырастает собственный «потешный» мирок, устроенный по образцу государства. В потешном войске были усвоены не только иноземные чины и форма. Для устройства потешной команды привлекались иноземные офицеры и мастера (по крайней мере, с 1684 года). А в начале 90-х, когда потешные батальоны превратились в два регулярных полка, «полковники, майоры, капитаны были почти все иноземцы и только сержанты – из русских».

Переворот 1689 г. не внес особых изменений в жизнь Петра, он не интересуется государственными делами, продолжает «марсовы» игры, но все чаще и чаще появляется в Немецкой слободе. «Слободские знакомства расширили первоначальную «компанию» Петра. К комнатным стольникам и спальникам, к потешным конюхам и пушкарям присоединились бродяги с Кокуя...» [1, с. 17]. «Эта компания постепенно и заменила Петру домашний очаг». Происходит почти полное слияние потешного и слободского обществ. Петр «был окружен пришельцами с Запада, учился их мастерствам, говорил их языком»¹⁵.

Оказавшись, во многом, изолированным от прежнего общества, Петр создает свой собственный мир («потешную» систему), со временем сближаясь с миром «Немецкой слободы». Из слияния этих двух групп и возникает петровская консорция.

3. От консорции к субэтносу

Вокруг Петра из потешной команды и влившихся в нее иностранцев образовалась консорция, старая государственная система разлагалась в руках царских родственников, а Петр продолжал развлекаться. Но с Азовских походов картина меняется. Начинается процесс слияния уже образовавшейся петровской консорции с верхушкой старого социума и государственным аппаратом. «Разгром восстания стрельцов принято считать последней датой в истории Московской Руси, которая затем

¹⁵ Вообще, моменты, связанные с языком и нормами поведения, чрезвычайно важны. Любая консорция (не говоря уже о более стойких объединениях) имеет свой «диалект» (жаргон, стиль речи, языковые табу и т.п.) и свою мораль (свои принципы, нормы поведения, обычно не отрефлексированные, но всегда жестко соблюдаемые). Групповые «язык» и поведенческие нормы участвуют в идентификации свой – чужой и являются проявлениями системного, интегративного, деятельностного единства социальной группы. Нарушение языковых и поведенческих норм ведет к распаду группы (или является следствием уже начавшегося распада).

начала стремительно превращаться в Российскую империю» [3, с. 286]. Ключевые государственные посты и функции переходят к людям Петра, которые и заменяют собой старую государственную машину. «Главной и грозной пружиной управления было перо Петра. Его необъятная переписка с лицами, на которые падали его поручения по текущим надобностям, охватывала весь правительственный механизм. Эти письма заменяли собою законы; лица, которым они посылались, превращались в государственные учреждения» [1, с. 55]. Петр не столько переделывает старые структуры, сколько создает параллельно им новые, старые со временем просто упраздняя. Петр ставит свою консорцию над старой социальной системой, верхам которой не остается ничего другого как либо исчезнуть, раствориться в социальных низах, либо принять сложившиеся в петровском обществе правила игры и включиться в новый социальный слой.

Возникновение социального слоя, оторванного от основной части народа и его культуры, явилось непосредственной предпосылкой образования империи. С переходом от «марсовых потех» к внешним войнам в сферу петровского влияния входит армия, которая постепенно реорганизуется по уже имеющимся образцам бывших потешных полков. Нужды войны вызывают потребность в обустройстве тылов, в нормальном снабжении армии людьми, снаряжением, продовольствием. Это втягивает все более широкие области жизни в поле деятельности Петра. «Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле, война привела его и до конца жизни толкала к реформам» [1, с. 189-190]. «При нем война является обстановкой реформы, даже более – имела органическую связь с его преобразовательной деятельностью, вызывала и направляла ее» [1, с. 190]. «Он просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя отдаленными планами, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой: он и сам не замечал, как этими текущими делами он все изменял вокруг себя – и людей, и порядки» [1, с. 189]. Предпринимаемые Петром меры «изменяли положение и взаимные отношения сословий» [1, с. 57].

Процесс втягивания верхушки прежнего социума в образовавшуюся при Петре новую социальную общность и разделения русского общества на два культурно чуждых друг другу мира завершается только во второй половине XVIII века, где-то в годы царствования Екатерины II. Петровская консорция, переросшая в течении XVIII века в субэтнос, вобрала в себя бывшее боярство и шляхетство, объединив их в единое дворянское сословие; разбавила его выходцами из Западной Европы (в первую очередь, из Прибалтики и Польши) и привила в нем европейскую культуру и иноземный язык¹⁶. Другая же часть социума, состоявшая из крестьянства, купечества и духовенства, продолжала жить по-старому, в старорусском, допетровском культурном укладе¹⁷.

¹⁶ «Многообразными нитями эти классы успели связаться с западноевропейским миром <...>. В ту же сторону тянули и перемены в социальном и племенном составе этих классов. В правительственном кругу при Петре удержались скудные остатки старой московской знати <...>. Ядро правительственного класса, слагавшегося в XVII в., образовалось из высшего столичного дворянства, из царедворцев, как его звали при Петре <...>. Сюда шел непрерывный приток из провинциального дворянства <...>, даже из «убогого шляхетства» и из слоев «ниже шляхетства» <...>, наконец, прямо из холопства <...>. Рядом с выслужившимися доморощенными новиками становилось и получало важное значение множество чужаков, инородцев и иноземцев <...>» [1, с.216].

¹⁷ Крестьянство вплоть до XX-ого века, когда в ходе коллективизации и раскулачивания, «культурной революции», развития техники и событий Второй мировой войны были сломаны

Литература

- [1] Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IV. М.: Мысль, 1989.
- [2] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е издание. Л., 1990.
- [3] Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Экопрос, 1992.
- [4] Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии // Сорокин П.А., Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
- [5] Айламазян А.К., Стась Е.В. Информатика и теория развития. М.: Наука, 1989.
- [6] Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Под ред. акад. РАН Д.М. Гвишиани. М.: УРСС, 1997.
- [7] Буганов В.И. Петр великий и его время. М.: Наука, 1989.